
Андрей Хвостов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОРАЛЬНЫХ СУЖДЕНИЙ – ОТ ПОДРОСТКОВ ДО СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА В РОССИИ И США

ВВЕДЕНИЕ

Анализ нравственного сознания в
различных культурах

До настоящего времени работ, посвященных сравнительному анализу нравственного сознания различных культур, очень немного. Более того, многие из них выполнены с помощью стандартных опросников в континууме «недопустимо — допустимо» то или иное действие; респондентов не спрашивают об обоснованиях их ответов (почему допустимо или нет). Иными словами, одна из самых важных составляющих морального сознания — мотивация — не учитывается. То же самое относится и к исследованиям морального сознания россиян.

Однако различия в моральных суждениях характерны не только для представителей различных культур, но и для разных слоев общества, они особенно зависят от возраста. Соответственно, для лучшего взаимопонимания как различных культур, так и возрастных групп необходимы сравнительные исследования морального сознания и не только на уровне «можно — нельзя», но и на уровне мотивации: «почему можно или нельзя».

В связи с этим была предпринята попытка исследовать по методике авторов США нравственные суждения россиян в их генезисе. Исследовались возрастные группы от 10 до 40 лет.

МЕТОДИКА

Описание методики

Социоморальной рефлексии диагностика — короткая форма (СРД-КФ; (SRM-SF) Sociomoral Reflection Measure — Short Form) — представляет собой «продуктивную» методику диагностики; испытуемые самостоятельно формулируют обоснование своих действий и отношений.

Данная методика была разработана в 1991 г. Дж. Джибсом, К. Бэсинджер и Д. Фуллером [1]. Вопросник СРД-КФ состоит из 11 пунктов — вопросов, относящихся к социомо-

ральным ценностям типа спасения жизни, «не укради», выполнения обещаний. (Например, в пункте 1 спрашивается: «Подумайте о том, когда Вы давали обещание своим друзьям. Насколько важно сдерживать обещания перед друзьями? Очень важно / важно / неважно [обведите один ответ]. Почему это очень важно / важно / неважно [что Вы обвели]?»). Испытуемые письменно отвечают на 11 вопросов. Ответы по каждому «почему» относятся к определенному уровню морального суждения. После обработки всех ответов вычисляется общий результат, представляющий уровень развития моральных суждений.

В представленном исследовании были заданы следующие вопросы:

1. Подумайте о том, как Вы давали обещание своему другу. Насколько для людей важно, если они могут держать слово перед друзьями?
 2. Что Вы думаете по поводу выполнения обещаний перед любым человеком? Насколько для людей важно, если они могут выполнять обещания даже перед кем-то малознакомым (почти незнакомым)?
 3. Насколько для человека важно прощать того, кто причинил ему какой-либо вред?
 4. Если говорить в целом, насколько для людей важно говорить правду?
 5. Подумайте о том, как Вы помогали Вашей матери или отцу. Насколько для детей важно помогать своим родителям?
 6. Допустим, Ваш друг нуждается в помощи и может даже умереть, и Вы — единственный, кто может его спасти. Насколько для человека важно (без риска для собственной жизни) спасти жизнь друга?
 7. Что Вы думаете о спасении жизни любого человека? Насколько важно для человека (без потери собственной жизни) спасти жизнь незнакомца?
 8. Насколько для человека важно жить, даже если он этого не хочет?
 9. Насколько для людей важно не брать вещи, принадлежащие другим людям?
 10. Насколько для людей важно подчиняться закону?
- (Из оригинальной методики были исключены вопросы относительно: 1) важности для родителей держать слово перед детьми и 2) для судей отправлять преступников в тюрьму. Третий вопрос был экспериментальным.)

СРД-КФ демонстрирует удовлетворительные уровни надежности. Для всех субъектов тест-ретестовые корреляции имели высокую значимость: для всей выборки составляет

$r(234) = .88, p < .0001$. Отдельные пункты СРД-КФ оказались гомогенными по альфа-коэффициенту Кронбаха (.92, $N = 374$), показали надежность при расщеплении на две отдельные группы вопросов, при факторном анализе. Эта методика также достигает приемлемой валидности. СРД-КФ демонстрирует хорошую конвергентную валидность через позитивные корреляции (значимые на .0001 уровне) с теоретически релевантными переменными: возрастом — $r(372) = .66$; вербальным интеллектом — $r(319) = .49$ (с учетом фактора возраста); социоэкономическим статусом (СЭС) — $r(349) = .20$. СРД-КФ также демонстрирует дискриминантную валидность, не коррелируя со шкалой социальной желательности. В дополнительном исследовании конструктивной валидности было показано, что СРД-КФ успешно дискриминирует различные возрастные группы (четвероклассников от взрослых $p < .0001$, и каждая группа отличается от остальных на .05 уровне значимости), что говорит о достаточной чувствительности метода для исследования возрастных тенденций развития. Далее, оценки правонарушителей мужского пола значительно отличаются от таковых нормальных (законопослушных) при учете ковариаций, обусловленных полом, СЭС и вербальным интеллектом: $p < .005$.

Данные апробации

Если говорить об апробации методики на российской выборке, то по данным А.А. Хвостова [2] по шести вопросам СРД-КФ средние значения получились не столь высокими, как по данным авторов. Если взрослые американцы в целом находятся на стадии 3–3,5, то на российской выборке этот показатель оказался равен 2,808 при стандартном отклонении 0,585. Однако о значимости различий вывод по полученным данным сделать было нельзя.

Корреляция каждого из вопросов с общим баллом была такова: 0,667, 0,71, 0,37, 0,47, 0,58, 0,6. Таким образом, гомогенность оказалась на довольно высоком уровне. Итак, полученные данные в целом совпадали с данными авторов и СРД-КФ в психометрическом плане действительно показал себя вполне приемлемым инструментом.

Обработка результатов

Основная идея обработки СРД-КФ — оценить уровень развития ответов в соответствии с заданными критериями. По существу, необходимо провести своего рода контент-анализ ответов испытуемых. Понимая эту проблему, авторы теста предлагают разработанный тренинг для максимального снижения субъективности при оценке. Он, по представленным данным, очень эффективен. Так, межэкспертная надежность (совпадение оценок различных экспертов) оказалась очень высокой (не ниже 0,94).

Таким образом, конкретное обоснование испытываемым пре-скриптивных отношений и взаимодействий между людьми относится к характеру или «структуре» социоморальной стадии. Следующие четыре суждения, например, обобщенно представляют «структуры» обоснования ценности или важности сдерживать обещания или говорить правду в человеческих отношениях:

Обоснования ценности

- «Ты всегда должен сдерживать обещания и никогда не болтать. Если ты дал обещание другу, будет некрасиво нарушить его, поскольку тогда он не будет играть с тобой, не будет больше твоим другом. Или он заплачет или ударит тебя. Да и твои родители накажут тебя за ложь и нарушение обещаний».
- «Ваш друг, вероятно, что-то делал для Вас и может отплатить добром, если Вы поможете ему, сдержав слово. Помимо всего, Вы можете любить своего друга и, может быть, это Ваш единственный друг. Ложь рано или поздно раскроется, и тогда Вы окажетесь в плохом положении, поскольку с Вами могут расквитаться. Но если это обещание кому-то малознакомому, зачем беспокоиться? Скорее всего, они никогда не узнают, сдержали ли Вы слово».
- «Ваш друг верит в Вас, и Вы не должны предавать это доверие или травмировать чувства. В конце концов Вы сами предполагаете, что они сдержат свои обещания Вам, и дружба на основе общих чувств много значит. Даже если это не друг, честность — лучшая политика и просто общий этикет. Эгоистично нарушать обещания, и однажды произведя плохое впечатление, Вы много потеряете в глазах людей. Даже с малознакомым человеком Вы можете наладить хорошие отношения и показать, что Вам можно доверять».
- «Общество основано на доверии и держать слово необходимо ради социального порядка. Честность — это стандарт, который может принять каждый, и Вы не захотите жить в обществе, где некому доверять. В конце концов обещание ценно само по себе, и отношения без доверия не имеют смысла. Сдержать обещание — это обязательство и дело чести, а нарушение его, даже перед малознакомым, отразится на Вашей целостности. Люди должны быть последовательны и держать слово, что бы они по этому поводу ни испытывали; так заслуживается уважение других людей, не говоря о самоуважении».

Авторы методики утверждают, что эти четыре абзаца — обоснования важности держать слово или говорить правду:

а) качественно различны; б) прогрессивны или расположены во все более зрелой последовательности.

Методика в целом построена на теории Л. Кольберга, который выделял шесть стадий в развитии моральных суждений в терминах трех уровней развития: пре-конвенциональный, конвенциональный и пост-конвенциональный [3; 4]. Исходя из некоторых сочинений начала XX века он охарактеризовал первые две стадии как пре-конвенциональные (предшествующие пониманию и принятию социальных конвенций); стадии 3 и 4 были обозначены как конвенциональные, «согласяющиеся и поддерживающие правила и ожидания конвенций общества или авторитета только потому, что это правила и ожидания, или конвенции, общества»; стадии 5 и 6 — как пост-конвенциональные, «основанные на формулировании и принятии общих моральных принципов, лежащих в основе этих правил». Пост-конвенциональный уровень считается зрелым не только из-за осознания базовых моральных принципов, но и поскольку моральные принципы «выбираются самостоятельно» и не зависят от социального одобрения или неодобрения.

В целом, Л. Колберг утверждал, что моральное развитие представляет собой по меньшей мере часть «естественного» конструктивного процесса, отличного от процессов интернализации. Более того, Л. Колберг утверждал, что в результате этого когнитивного процесса может быть идентифицирован кросс-культурный стандарт последовательности стадий морального развития и зрелости. Точка зрения авторов методики [5] согласуется и в реальности базируется на этих двух общих положениях относительно морального развития и зрелости. Тем не менее предполагается и определенная ревизия заявлений Л. Колберга, а именно: а) его смешение конструирования с интернализацией в процессе «естественного» морального развития; б) некорректное представление зрелости моральных суждений.

«Ревизия» концепции Л. Колберга

Л. Колберг явно предполагал, что зрелость моральных суждений проявляется на пост-конвенциональном уровне (стадии 5 и 6). Дж. Джиббс с соавторами [6] наоборот, утверждают, что пост-конвенциональный или так называемый «принципиальный» уровень не следует рассматривать как исключительный «кладез» зрелости моральных суждений и даже как звено в стандартной последовательности стадий. Они предлагают отказаться от самих терминов пре-конвенциональный, конвенциональный и пост-конвенциональный для действительного осознания зре-

Пост-конвенциональные
моральные суждения

лости моральных суждений. Стадии 3 и 4 уже представляют собой зрелое моральное рассуждение. Эта точка зрения отстаивается авторами на основе критики стадий 5 и 6 Л. Колберга.

В качестве доказательства приводятся изменяющиеся критерии Л. Колберга для определения пост-конвенциональных моральных суждений. В период своего лонгитюдного эксперимента в 1960-е годы Л. Колберг обнаружил, что некоторые учащиеся старших классов, отнесенные к стадии 5 или 6, став студентами, получили при повторном тесте оценку на уровне стадии 2. Это открытие поставило теоретическую проблему: если оценки были верными, если мышление этих школьников действительно было пост-конвенциональным, тогда у примерно 20% выборки моральные суждения явно регрессировали. Такая регрессия явно подрывает один из основных постулатов теории Л. Колберга, а именно, понятие о инвариантной последовательности стадий: прогресс последователен и «правилен» [7]. А. Анастаси также говорит о том, что данные по такой инвариантности скудны и весьма проблематичны [8].

Дж. Джиббс с соавторами предлагают только два уровня развития — незрелый (стадии 1 и 2) и зрелый (стадии 3 и 4); деление осуществляется по уровню социоморальных обоснований. Эти те основания, которые кто-то дает решениям или ценностям (сдерживать обещания, говорить правду, помогать друзьям, спасти жизнь, не красть и т.д.), относящихся к «добродетельному» и честному поведению. Авторы предпочитают «социоморальный» «моральному», поскольку неприкрытый «моральный» у многих людей изобилует приводящими к заблуждению личностными коннотациями. Впрочем, в подходе Пиаже — Колберга «мораль» также неразрывно и тесно связана с социальными взаимодействиями.

Таким образом, конкретная социоморальная стадия главным образом относится к характеру или «структуре» обоснований человеком прескриптивных отношений и взаимодействий между людьми [9].

Стадии 1 и 2 относительно конкретны или поверхностны, пускают мораль с физической силой (стадия 1) или прагматическими вопросами (стадия 2).

Социоморальное обоснование на стадии 1 представляет мораль одностороннего авторитета, особенно авторитета физически сильных людей. Описание Ж. Пиаже этой морали как «гетерономной» (буквально «правила от других») предполагает внешний и ориентированный на авторитет характер морали. Хотя мыслитель на стадии 1 иногда мо-

Стадии социоморального развития

жет видеть различные перспективы, он плохо различает координацию этих перспектив: следовательно, принятие перспектив односторонне и часто выражается в абсолютных терминах («всегда» или «никогда»).

Односторонняя гетерономия стадии 1 продолжается на стадии 2 «автономной» моралью социальных взаимодействий. Другими словами, социоморальные обоснования теперь отражают мораль, которая исходит не из явных проявлений типа физической силы, а из перспектив, выводимых из отношений с другими. Соответственно, стадия 2 представляет собой более «рациональную» мораль, чем стадия 1. С другой стороны, «рациональность» мышления стадии 2 особенно узка в социальной этике, к которой относятся как к практическим отношениям или обмену (сравните «взаимность как факт» Ж. Пиаже). Кто-то делает одолжение другу, поскольку тот может вернуть услугу. Таким образом, мораль стадии 2 все еще остается внешней и поверхностной.

Зрелый моральный мыслитель

Продолжающаяся когнитивная децентрация посредством возможности социального принятия ролей приводит к более зрелому уровню социоморальной рефлексии. Зрелый моральный мыслитель «проникает» сквозь внешние или поверхностные соображения чтобы делать выводы на основе межличностных отношений (стадия 3) или общества (стадия 4).

Мыслитель на стадии 3 переходит прагматику инструментальных предпочтений и обменов, чтобы построить внутренние взаимности или межличностные ожидания просоциальных чувств, заботы и поведения.

Переходные фазы обычно не дают повода для отдельного рассмотрения, поскольку их содержательные категории — смесь аспектов смежных стадий. Например, во время перехода от стадии 3 к стадии 4 юноши и взрослые обычно демонстрируют в моральных рассуждениях внимание к тому, что выходит за рамки особых межличностных отношений, но это еще не явно относится к функциональным требованиям социальной системы. Однако некоторые индивиды в движении от стадии 3 к стадии 4 демонстрируют явный тип промежуточного мышления — *Релятивизм личностных ценностей* (РЛЦ) — предположение, что, например, важность сдерживать обещания «зависит от морали человека». Переход 3/4 РЛЦ начинается со стадии 3; обоснования относятся к намерениям или чувствам. Ориентация РЛЦ выходит за стадию 3, однако из-за относительности субъективно защищенных намерений или чувств как ценностей, которых субъект честно придержи-

вается, не может оспариваться или объявляться недействительной другими. Здесь обычно сильно подчеркивается «приверженность собственным ценностям» или «следование своим собственным суждениям». Индивиды, доводящие этот акцент до крайности, могут прийти к пониманию анархических последствий и размышляют о необходимости установления общепринятых стандартов для выживания и нормального функционирования общества (т.е. к конструкции стадии 4). Хотя переходные стадии по определению нестабильны, предполагается, что переход 3/4 РЛЦ может оставаться функционально стабильным в социоморальной рефлексии человека неограниченный период времени, особенно благодаря той культурной поддержке, которую он получает из популярной идеологии западных обществ.

Моральная ценность апеллирует
к основным правам

Как указывалось ранее, зрелость в межличностной сфере, достигнутая на стадии 3, переходит и на сложную социальную систему на стадии 4. Моральная ценность рассматривается как требование для (а не от) общества или одного из его институтов. Моральные нормы обосновываются апелляцией к основным правам или ценностям, применимых к любому жизнеспособному обществу. Приверженность моральным нормам предполагается как ответственность, обязанность или соглашение, которое субъект принял или должен принять.

Собственно, каждая стадия характеризуется 5–7 аспектами или различными категориями обоснований. В зрелых стадиях, кроме того, выделяется и «моральный тип». Поскольку объем работы не позволяет представить их полное описание, здесь приводится лишь «концепция» или краткая характеристика каждой стадии. С более полным описанием методики можно познакомиться в цитируемой литературе.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ СРАВНЕНИЯ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Сходство

В том, что касается сравнения различных культур, составляющих современную технологическую цивилизацию, то, по мнению И.Г. Дубова, речь может идти только о тонких различиях [10]. С этой точкой зрения вполне согласуется и мнение Р. Шпемана относительно моральных представлений, который считает, что их общность в разных эпохах и разных культурах гораздо сильнее, чем обыкновенно считается [11]. И.Л. Зеленкова и Е.В. Беляева также указывают, что современные исследователи сходятся в том, что национальные особенности нравственных систем заклю-

чаются в их форме [12], но какова бы ни была форма нравственности, содержание морали у всех народов примерно одинаковое.

Если кратко определить, чем могут детерминироваться различия в морали разных народов, то следует упомянуть следующие гипотезы.

Основной детерминантой большинство исследователей считают определенную нравственную ценность. Некоторые придают ей особую значимость. Например, Й. Раншбург [13] считает, что мораль по своей сути это «отождествление личности с данной системой общественных ценностей, правилами общежития». О.П. Николаева [14] также предполагает, что «...каждая культура способствует развитию того типа личности и того стиля поведения, которые наиболее приспособлены к выработанной данным обществом системе ценностей...» При этом ценностью могут выступать и личностные характеристики (одобряемый тип личности), и стандарты жизненного пути, идеалы, принципы, традиции. Однако, некоторые исследования показывают, что моральная ценность не обладает таким абсолютным значением. Так, в исследовании И.Г. Дубова и А.А. Хвостова [15] показано, что конформизм — обожнования типа «так принято», «люди ждут этого друг от друга» — занимают далеко не последнее место среди моральных ценностей, хотя сами ими по сути не являются. Иногда, особенно в мусульманских странах, особую роль приобретает роль религии. Как указывают И.Л. Зеленкова и Е.В. Беляева [16], вплоть до того, вероисповедание стало как бы национальным признаком, в том числе и в морали.

Мы часто имеем дело с вариациями ценностей

Однако, как указывалось выше, мы часто имеем дело не с принципиально разными системами ценностей, а больше с вариациями, или достаточно тонкими различиями. Иногда они заключаются только в форме способа решения конфликтов, моральных дилемм, но по сути остаются идентичными.

С другой стороны, если анализировать эмпирические данные кросс-культурных сравнений, то очевидны и большие различия, и сходство; вопрос только в том, о какой сфере морали идет речь. Так, В.О. Рукавишников, Л. Халман и П. Эстер [17] обнаружили, что различия между россиянами и жителями стран Запада в гражданской морали достаточно малы; русских как нацию по-прежнему отличают достаточно высокие нравственные стандарты. Но между россиянами и их западными соседями есть существенные различия в том, что касается морали в частной сфере. В своих личных моральных кодексах россияне проявляют

Россияне отличаются некоторыми особенностями принятия моральных решений

больше либерализма (за исключением отношения к сексу с несовершеннолетними и к гомосексуализму). В то же время россияне отличаются некоторыми процессуальными особенностями принятия моральных решений, по крайней мере от интересующей нас выборки граждан США. Если американцы оценивают компромисс между добром и злом как безусловное зло, то россияне в целом присваивают ему положительную оценку [18].

Различия наблюдаются уже в детском возрасте. По некоторым данным, очень существенные различия обнаруживаются между российскими и сирийскими подростками в знании нравственных норм, принятии их как на словах, так и на деле. При этом, делает вывод А.-Ш. Мунзер, в ситуации «моральной неопределенности» российский подросток все время вынужден самостоятельно ориентироваться в ценностях, сознательно искать объяснение своим и чужим поступкам. Если он ведет себя нравственно, то эта нравственность осознанная и принимается не по подражанию, не по образу действия всех, как в Сирии [19].

Проведенное О.П. Николаевой исследование структуры морального сознания московских и якутских детей в возрасте от 7 до 12 лет также продемонстрировало целый ряд особенностей, обусловленных различными культурными традициями и социальными условиями [20]. Данные по московской и якутской выборке испытуемых различаются не только между собой, но и в сравнении с данными Пиаже, полученными на швейцарских детях той же возрастной группы. Моральное сознание отечественных испытуемых кардинальным образом отличается от морального сознания испытуемых Ж. Пиаже уже с момента возникновения первичных, генетически исходных моральных норм [22].

Подводя итог обзору кросс-культурных исследований морального сознания, можно было вполне обоснованно предполагать, что между россиянами и американцами гипотетически могут быть обнаружены довольно большие различия и в моральных суждениях, при этом они могут проявляться на всех возрастных этапах.

ВОЗРАСТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Структура морального сознания

Неравномерность развития морального сознания как многомерного образования получило подтверждение в ряде работ. Здесь мы сталкиваемся с необходимостью относительно подробного рассмотрения структуры морального сознания. Это прежде всего обусловлено необходи-

мостью выделить критерий оценки или аспект рассматриваемого феномена. Й. Раншбург разделяет мораль на два элемента: один из них — нравственное сознание, то, что мы знаем о морали, и наше восприятие нравственного поведения, другой — это нравственное поведение [23]. При этом он подчеркивает, что эти два элемента не всегда соответствуют один другому.

Однако моральное или нравственное сознание также дифференцируют и на моральные знания, представления, моральные чувства и эмоции, взаимосвязь морального сознания и морального поведения [24].

Как отмечает С.Г. Яковсон [25], в качестве основных аспектов последовательно выделялись: *реальные действия*, соответствующие определенным этическим нормам, — они исследовались путем создания экспериментальных ситуаций, в которых человек может, повинаясь своим желаниям и не опасаясь последствий, поступить в соответствии или вопреки норме; *этическое сознание*, изучаемое методом бесед по поводу различных этических ситуаций; *этические переживания*, исследуемые проективными методами.

Основными недостатками современного состояния проблемы этического развития в западной психологии С.Г. Яковсон считает следующие: 1) указанные три объекта не объединены в едином научном предмете, в результате чего отсутствуют теоретические представления о закономерных связях между этическим поведением, сознанием и переживанием; 2) этическое развитие не соотносится с развитием личности; 3) считается, что в основе соблюдения всех норм и правил, начиная от правил личной гигиены до высших этических принципов, лежат одни и те же психологические образования, а их усвоение осуществляется по одному механизму [26].

Неудивительно, что некоторые исследования фиксируют «деградацию» морального сознания, если рассматривать его в одном отдельно взятом аспекте. Так, Г.Е. Залесский обнаруживает, что готовность опираться на знание научных норм в сфере морали резко падает при переходе из младшего подросткового возраста (5-й кл.) к старшему подростковому и юношескому (8–10-е кл.) с 42% до 9–10% (в среднем). В то же время количество испытуемых, опирающихся на житейские нормы или эмоциональные отношения, также резко возрастает с 8% у пятиклассников до 50–60% у старшеклассников. Это, конечно, не означает, что учащиеся 5-х классов лучше знают правила и нормы морали. Дело в другом, в том, что возрастание запа-

са таких знаний у старшеклассников не сопровождается формированием соответствующей готовности к их применению в качестве средств ориентировки. Как в практике повседневного общения, так и в ходе внутришкольных мероприятий поведение большинства учащихся даже старшего возраста строится при опоре на сложившиеся и прочно господствующие «житейские» стереотипы (без должного учета содержания соответствующих теоретических знаний (понятий, норм).

Конечно, Г.Е. Залесский предполагает [27], что моральные нормы усвоены младшими школьниками формально (без осознания и рефлексии их научного содержания), но готовность следовать соответствующим правилам поведения взрослых у них очень велика (ее проявили 82% младших учеников). Однако уже у учащихся пятых классов наблюдается переориентация на другие нормы и правила, на те, что приняты в группе сверстников, среди товарищей, в семье.

В определенном смысле разрыв между сознанием и реальным действием преодолевается в схеме К.К. Платонова [28]. Эта схема подчеркивает различие внешней и внутренней моральной воспитанности, которые, как известно, далеко не всегда совпадают. При этом внешняя моральная воспитанность может иметь три формы. Она может, совпадая с внутренней, ее объективировать. Она может быть этапом еще не доросшей, но имеющей тенденцию дорастать до внутренней моральной воспитанности. Но она может быть и маской аморальных, но скрываемых установок личности.

Вопрос о ведущих компонентах морального сознания остается во многом гипотетическим; роль эмоционально-потребностной сферы пока мало изучена. Хотя попытки построения стадий морального развития на основе эмоциональных и даже эстетических представлений существуют. Так, К.Ф. Леонтович предполагает принцип классификации, основанный на развитии эстетического вкуса. Конкретно оценку, данную пациентом своему поведению, т. е. то, насколько «красивым» кажется поступок самому человеку и окружающим людям. Если признавать прогрессивность индивидуальной этики, то для каждого определенного ее уровня характерны определенные эстетические представления человека и соответствующие этому уровню моральные принципы поведения [29]. Как предполагается, между уровнями развития морали и художественного вкуса можно поставить если не знак равенства, то хотя бы знак параллельности или соответст-

Ведущие компоненты
морального сознания

вия. При этом эрудиция случае не играет существенной роли.

В целом эта позиция возражений не вызывает. Л.П. Скрипник говорит о том, что «в эмоционально-чувственном отношении *зло* выступает как *неприятное*... в утилитарном — приобретает облик *вреда*... для эстетического созерцания облекается в форму *безобразного*» [30].

Среди других механизмов моральной регуляции также выделяют интуицию [31; 32; 33], которая при необходимости может мгновенно всплывать на поверхность сознания, опережая ход рациональных соображений.

Определяя место собственного исследования среди описанных подходов, следует отметить, что работа была во многом ограничена в плане выбора конкретной диагностической методики и, соответственно, научной парадигмы. Это может показаться странным; обычно подход определяет выбор методики. Но в данном случае для получения сравнимых с испытуемыми США было необходимо исходить из использованной американскими авторами методики. Подход относится к когнитивистскому направлению, описание представлено выше. И конечно, выбирая в качестве критерия развития морального сознания нравственные суждения, следует помнить о том, что они являются только одним из индикаторов уровня развития индивидуальной нравственности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные цели сравнительных исследований заключаются в том, чтобы фиксировать и описывать в упорядоченном виде психологические различия как между людьми, так и между группами людей, объединенных по каким-нибудь признакам. Во всех случаях приходится упорядочивать полученный материал: расположить данные в определенной последовательности, например, по убыванию или возрастанию полученных результатов [34].

Согласно данным авторов методики, были получены показатели, представленные в табл. 1. Там же приводятся данные российских испытуемых. Хотя авторы методики указывают, что данные не искажаются из-за фактора социальной желательности, в российской выборке не учитывались данные испытуемых, полученные в условиях экспертизы (при приеме на работу). Показатель при данных условиях составлял для россиян показатель 2,808 (сравнимый с представленным в табл. 1) и был получен исключительно на женской выборке [35].

К сожалению, невозможно достоверно вывести уровень значимости различий между американцами и россиянами,

Место собственного исследования
автора

Количественная характеристика

Анализ кросс-культурных
сравнений

Данные американцев и россиян по СРД-КФ (SRM-SF)

Таблица 1

Возраст (в годах)	Выборка США (человек)	Выборка россиян** (человек)	Средние значения (США)	Средние значения (россияне)	Стандартное отклонение (россияне)
10	48	29	2,15	1,87	0,303
12	43	30	2,36	2,06	0,432
14	74	28	2,59	2,71	0,41
16	89	36	2,96	2,79	0,34
20	72	20	3,12	3,048	0,485
30–50*	58	22	3,50	2,95	0,289

поскольку не имелось исходных данных по США. Более того, не представлены данные относительно стандартного отклонения, с помощью которого можно по Т-критерию вывести достоверные заключения. Поэтому можно исходить из предположения, что показатель стандартного отклонения в американской выборке равен таковому в российской.

Вычисление уровня значимости проводилось по формуле, представленной Б.А. Сосновским [36]:

$$t = \frac{X_a - X_b}{\sqrt{m_a^2 + m_b^2}},$$

где X — средние значения двух выборок, m — ошибки средних, которые вычисляются по формуле:

$$m = \frac{\sigma}{\sqrt{n}}$$

где σ — стандартное отклонение, n — выборка (для каждой из групп).

Простой расчет показал, что достоверных различий между американскими и российскими школьниками и студентами нет. Однако значимые различия обнаруживаются при сравнении старшей возрастной группы; уровень значимости — 1%.

Однако, поспешные выводы об относительном «аморализме» российской молодежи старше 25 лет делать очень трудно.

*В эксперименте принимали участие Н.В. Иванова, С.А. Сергеева, Л.М. Проценко.

**Средний возраст испытуемых россиян составлял 30 лет (от 25 до 45 лет), американцев — 50 лет.

Возрастная динамика российских
испытуемых

Во-первых, как уже указывалось, не имелось значений стандартного отклонения по американской выборке и ей условно приписывалось «российское» значение. Во-вторых, сравнивались значения российской молодежи с данными, мягко говоря, «очень взрослых» американцев — средний возраст составляет 50 лет (российских — 30 лет). Таким образом, по количественным показателям можно сделать только условные выводы: в целом российские и американские школьники и студенты показывают сравнимые результаты. При этом очевидно некоторое отставание от американцев младших групп (10 и 12 лет), но некоторое преимущество группы 14-летних. Соответственно, можно делать вывод о том, что на российской выборке подтверждается константный прогресс нравственных суждений, хотя и с несколько иной (чем у американцев) динамикой. По сути, россияне и американцы указанных возрастных групп в уровне обоснований не отличаются.

В данном случае, исходя из первичных данных, можно провести достоверное сравнение показателей возрастных групп. Как оказалось, первая и вторая группы (10 и 12 лет) между собой достоверно не различаются, но в то же время группа 14-летних значимо (на 0,1% уровне) превосходит младшие группы по развитию социоморальной рефлексии. Далее, не значимыми оказались и различия между российскими группами 14 и 16 лет, хотя эти группы значимо (на 5%-ном уровне значимости) отличаются на американской выборке. (Это, скорее всего, обусловлено просто небольшим количеством российских испытуемых; в целом тенденция очень сходна к таковой по американским данным).

Таким образом, тенденция, полученная на американских испытуемых, подтверждается, хотя это относится главным образом к прогрессии моральных суждений, а не к значимости различий между возрастными группами.

Качественная характеристика

Методология исследования предполагала не только эмпирическую модель исследования — сравнение количественных показателей. Я.А. Пономарев [37], К.М. Гуревич [38] и другие авторы считают, что феноменологические знания также обладают большой ценностью. Они, с одной стороны, являются фундаментом для сравнений, основой большинства наук. С другой стороны, они вполне пригодны и для сравнительных исследований. Как считает К.М. Гуревич, в некоторых случаях достаточно описать признак и убедиться в его представленности. Центр тяжести доказательства перемещается в подобных ситуациях в другую плоскость: нужно установить не уровень выра-

женности признака, не степень его отличия от уровня, наблюдающегося у других людей, а прежде всего подметить, обнаружить данный признак как таковой. Если удастся это сделать, то никаких других показателей для диагноза не требуется. Диагностика, целью которой является только обнаружение определенного признака (констатация: есть — нет), отличается от диагностики, направленной на то, чтобы установить пункт нахождения отдельного испытуемого на оси континуума выраженности признака.

Кросс-культурные особенности
Различия

Если говорить об обоснованиях важности говорить правду, то в российской выборке мы сталкиваемся, наряду с прочими «темами», с определенного рода эмпатическим принятием роли, очень слабо выраженным у американцев. Например, правду говорить неважно, если «другой этого не хочет», или «другой хочет, чтобы его обманули». Нередко упоминается, что в ряде случаев необходима ложь «во спасение». Очень часты обоснования, в которых говорится о том, что «все зависит от ситуации», и правда далеко не всем и всегда нужна. Иногда (неоднократно) конкретизируется ситуация — больной (или умирающий) человек. И здесь нельзя вновь не сослаться на работу Р. Шпемана [39], который указывает на то, что для россиян большее значение имеет цель, чем средство, в частности — обман смертельно больного. Таким образом, хотя вопрос об обмане умирающего прямо не задавался, россияне на него ответили сами (и подтвердили имеющиеся данные). В ряде случаев релятивизм приобретает личностную форму — «у каждого своя правда».

С другой стороны, не менее часто мы имеем дело и с некоторыми «рекомендациями» по решению явно осознаваемого конфликта правды и ситуации или чувств других людей. Мнения разделяются примерно поровну; одни считают, что «лучше горькая правда, чем сладкая ложь», другие — что «лучше промолчать». Здесь мы также впервые сталкиваемся с российскими особенностями; судя по описанию методики, подобные рекомендации у американцев не упоминаются.

Однако у россиян не было такой категории как «Социальные требования» на стадии 4. Типичные обоснования этого уровня и аспекта — «Общество основано на доверии или обещаниях; обещания надо выполнять ради общества или порядка; доверие, честность, уважение или правда **необходимы** или **существенно важны** для экономики, правительства, социальной стабильности, выживания и жизни общества или развития человечества».

Очень трудно отнести какой-либо ответ россиян и к категории «Основные права или ценности»; **«Каждый** имеет **право** на уважение или чтобы данное ему обещание выполнялось; это утверждает достоинство другого человека; (иначе) это поправление доверия». Или «Доверительные отношения говорят об обществе с лучшей стороны; (иначе) Вы не захотите жить в обществе, где никому нельзя доверять».

Некоторые россияне доходят до
крайней степени
«концептуализация»

Хотя последние основания относятся к четвертой, высшей стадии, трудно предположить, что никто из российских испытуемых ее не достигает. Наоборот, некоторые россияне доходят до крайней степени «концептуализации» — оперирования чисто философскими категориями типа: «Ложь увеличивает энтропию, искажает пространство и время». Очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся со спецификой российской ментальности в обосновании говорить правду или держать слово.

Сходство

С другой стороны, явные отличия отмечаются не всегда, по крайней мере не на всех стадиях. Так, ведущей темой в обоих обществах при обосновании важности спасти жизнь друга является внутриличностное одобрение (стадия 3). У школьников эта тема развита несколько слабее и может сочетаться с потребностями.

Если рассматривать отношение к важности спасти жизнь любого человека, то спектр обоснований шире и трудно выделить одну ведущую тему. Учитываются отношения: «Как Вы будете себя чувствовать, если будете умирать (и кто-то Вам не поможет?); что, если незнакомец — это Вы?; Вы **будете надеяться**, что незнакомец спасет Вашу жизнь, или **будете ждать** этого от незнакомца; нам следует заботиться друг о друге; или Вам следует делать то, что хотели бы от других для себя». В ряде ответов звучит тема «Про-социальные намерения»: «Вам следует заботиться о (чувствах) других, не раздумывать над этим (их спасением)». Встречается «Обобщенная забота»: «Вам следует заботиться обо всех; Вы не должны заботиться только о друзьях; это **все же** личность или человеческая жизнь; это ситуация жизни и смерти или угрожающая жизни ситуация; или **даже** незнакомец — человек».

Также типично и внутриличностное одобрение: «Вам будет **внутренне** приятно, или Вы будете хорошо или лучше себя ощущать; Вам будет приятно думать или знать, что Вы помогли кому-то или сделали все, что могли; или (иначе) Вы будете чувствовать вину, сожаление, иметь это на совести, ощущать пустоту внутри, упрекать себя или не сможете жить с собой».

Однако, если продолжить тему жизни и смерти, но уже по отношению к себе самому, то акценты довольно значительно переносятся. Так, практически нет темы внутриличностного одобрения. В основном важность жить обосновывается тем, что иначе мы причиняем боль другим людям, главным образом, своим близким, что следует учитывать их чувства.

На второе место выходят «Нормативные ожидания/ Основные права или ценности»; «Нам не следует играть роль Бога или решать вопрос о жизни и смерти; это не дело индивида; мы не должны брать на себя решение о том, чего стоит жизнь; мы не имеем право убивать себя; или мы не можем контролировать жизнь».

Необходимо также указать на тему «Характер»: «Вам не следует заканчивать жизнь просто из-за эмоционального стресса, депрессии или личных проблем; Вы должны иметь мужество или волю (жить или продолжать идти); Вы должны научиться отходить от этого; или (иначе) это преступно или иррационально».

«Основные права или ценности» характерны только в одном аспекте: «Вам надо видеть позитивные аспекты жизни; (Вам следует понимать, что) несчастье — это часть жизни; Вы еще можете **что-то осуществлять** в жизни; Ваша точка зрения или взгляды (на ценность жизни) могут измениться; Вы можете (прийти к тому, чтобы) видеть жизнь иначе».

Однако при решении вопроса о самоубийстве россияне почти не думают об обществе в целом. Такие суждения как: «Вам следует быть гуманным или заботиться об обществе или человечестве; каждый может что-то предложить, имеет потенциал или может помочь другим (некоторым образом); Вы еще можете иметь влияние или действие (на других); жизнь не должна теряться напрасно; жизнь должна развиваться (к максимуму); или нам следует уважать жизнь и не унижать ее» — практически не встречается (однако выделяются у американцев).

В то же время обоснования американцев звучат примерно так: «Каждый может что-то предложить **обществу**, играет свою роль в обществе или может что-то внести; Вы еще можете вести **продуктивную жизнь** или быть **полезным обществом**; продвижение или прогресс идет благодаря жизни или вкладу каждого индивида; это для блага общества; жизнь не имеет смысла, если Вы ничего не даете другим»; или это неважно «если (безнадежно больной, умирающий) человек решает не быть обузой обществу». Эти обоснования приводятся американцами, судя по их разно-

Различия

образию, довольно часто, но опять же очень трудно отнести какой-либо ответ россиян к заботе об обществе; в основном все сводится к чувствам близких, себе, сверхсложным концепциям относительно «потери для генофонда всего человечества».

Если рассматривать отношение к собственности и соблюдению закона в целом, не разделяя эти вопросы, то можно обозначить следующие особенности россиян.

Очень типичны «Нормативные ожидания» (стадия 3); «Законы защищают **нас** или **людей**, или они для нашего собственного блага; (иначе) в мире будет хаос; страна может быть разорена, будет катастрофа или развал; мир может стать ужасным местом». На переходе 3/4 «Отношения/Основные права или ценности» обоснования звучат примерно так: «Законы способствуют гармонии или справедливости». Хотя очень часто указывается, что «Это важно, но «могут быть особые **случаи или ситуации**; или это **зависит от обстоятельств**». Это важно, но «законы не совершенны и не всегда справедливы; или у некоторых законов есть недостатки».

На стадии 4 «Система и стандарт» имеют выражение типа: «**Общество** или **цивилизация** нуждаются в законах или основаны на них, или **должны** иметь порядок; (чтобы) сохранить **общество** или вещи в порядке, чтобы **сделать возможным** порядок или стабильность (в обществе); закон — хребет или основа общества; (иначе) не будет структуры, организации или предсказуемости; общество не могло бы нормально работать или функционировать; **система** могла бы разрушиться; **общество** бы не выжило; или бы не было общества».

Однако наши граждане практически не мыслят такими категориями как права. «Это (основное) **человеческое** право (на собственность); собственность — это право, которым должен обладать каждый; закон защищает **права** человека; Вам следует **уважать права** других; воровство **попирает, нарушает права владения, посягает на права** или достоинство человека».

Подводя итог обзору качественных характеристик обоснований россиянами моральных норм, можно в целом утверждать, что они в определенной степени отличны от таковых у американцев. Основное отличие состоит в том, что у россиян представлен несколько меньший спектр обоснований. Главным образом недостает «заботы о...». Если соответствующие ответы в полной мере представлены, то главным образом при обосновании важности законов. Но очень трудно сказать, что жизнь (своя и чужая) видится

Сходство

Различия

как ценность для общества и жизни в целом. И совсем не учитывается россиянами, что общество основано на доверии, на обещаниях, что человек в целом ответствен перед обществом, а не только перед своими близкими или отдельными людьми. Хотя ответственность перед некоторым малознакомым человеком все же признается.

Как указывалось, мало или совсем не думают о правах других людей, об их достоинстве, хотя ориентируются на их чувства, ставят себя на их место.

Однако указанные категории обоснований в большинстве своем относятся к высшей стадии, которая проявляется и у американцев большей частью в пожилом возрасте. Поэтому однозначный вывод о полном отсутствии их у россиян также был бы не совсем обоснован. Мы пока можем говорить о том, что определенные обоснования отсутствуют у российской *молодежи и лиц среднего возраста*, но не у всех россиян в целом.

Итак, подводя итог кросс-культурным сравнениям, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, количественных различий между школьниками и студентами разных стран не обнаруживается, а о различиях между «взрослыми» группами мы говорить не можем; разница в возрасте сравниваемых групп порядка 20 лет.

Во-вторых, вполне можно говорить о некоторых качественных различиях; прежде всего отсутствие у россиян некоторых категорий или аспектов обоснований моральных ценностей, характерных для американцев. С другой стороны, типичным для россиян (но не указывается американскими авторами) является апелляция к «народной мудрости» в форме поговорок, типа «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь», «Что упало, то пропало» и т.д. Хотя Л. Колбергом в принципе предусмотрена эта категория ответов, но в представленном американскими авторами руководстве какие-либо указания на них отсутствуют.

В целом качественные особенности некоторых возрастных групп выражены очень незначительно, между студентами и старшей группой их практически нет, их практически нет между 10 и 12-летними. Говорить можно только о заметных различиях между школьниками 10–12 лет и остальными испытуемыми. Это вполне объяснимо, учитывая обнаруженный качественный «скачок» в динамике развития морального сознания российских школьников от 12 до 14 лет. Обобщенно все различия сходны с таковыми американских испытуемых, за исключением отмеченных выше «национальных» особенностей морального сознания. Поэтому заинтересованному читателю предлага-

Возрастные тенденции россиян
Качественные показатели

ется обратиться за подробным описанием стадий к переводу методики [40], или в полном объеме ознакомиться с ней на языке оригинала [41].

ВЫВОДЫ

- Во-первых, в моральном развитии американские и российские школьники и студенты между собой значимо не различаются. При этом вполне можно говорить о некоторых качественных различиях; прежде всего отсутствие у россиян некоторых категорий или аспектов обоснований моральных ценностей, характерных для американцев. С другой стороны, выявляются типичные для россиян модели обоснований, отсутствующие у американцев.
- Во-вторых, условно можно сделать вывод о том, что «взрослая группа» россиян несколько отстает от американцев в моральном развитии. Однако не совсем правомерно сравнивать показатели «взрослых» при больших возрастных различиях. Очень вероятно, что моральное развитие не заканчивается в 30 лет.
- В-третьих, в целом тенденция, полученная на американских испытуемых, подтверждается. Это относится как к прогрессии моральных суждений, так и к уровню значимости различий между возрастными группами. Таким образом, методика после дальнейшей адаптации вполне может рекомендоваться для диагностики зрелости моральных суждений.

1. *Gibbs J.C., Basinger K.S., Fuller D.* Moral Maturity: Measuring the development of sociomoral reflection. Hillsdale (New-York) etc., 1992.
2. *Хвостов А.А.* Диагностика индивидуальной морали: проблемы и перспективы // Развитие личности. 1998. № 3–4. С. 62–82.
3. *Kohlberg L.* Moral stages and moralization: the cognitive-developmental approach // Moral development and behavior: theory, research, and social issues. New-York etc., 1976. P. 31–53.
4. *Джиббс Д., Бэсинджер К., Фуллер Д.* Моральная зрелость: диагностика развития социоморальной рефлексии // Развитие личности. 1997. № 1. С. 138–153. С. 149.
5. Там же.
6. Там же. С. 151.
7. Там же. С. 152.
8. *Анастази А.* Психологическое тестирование: Кн. 2: Пер. с англ. / Под ред. К.М. Гуревича, В.И. Лобовского. М., 1982. С. 180.
9. *Джиббс Д., Бэсинджер К., Фуллер Д.* Моральная зрелость: диагностика развития социоморальной рефлексии // Развитие личности. 1998. № 2. С. 109–126.

10. Дубов И.Г. Психологический подход к изучению менталитета // Ментальность россиян / Под ред. И.Г. Дубова. М., 1998. С. 10–25. С. 12.
11. Шпеман Р. Основные понятия морали: Пер. с нем. М., 1993. С. 12.
12. Зеленкова И.Л., Беляева Е.В. Этика: Учебное пособие и практикум. Минск, 1997. С. 182.
13. Ранишбург Й. Формирование и развитие морали // Ранишбург Й., Поппер П. Секреты личности / Пер с венг. М., 1983. С. 100–110.
14. Николаева О.П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995. С. 109–137.
15. Дубов И.Г., Хвостов А.А. Моральная детерминация поведения в обыденном сознании больших групп населения // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 87–99.
16. Зеленкова И.Л., Беляева Е.В. Этика: Учебное пособие и практикум. Минск, 1997. С. 183.
17. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Социальные изменения и мораль // Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 303–324.
18. Шпеман Р. Основные понятия морали: Пер. с нем. М., 1993. С. 95.
19. Мунзер А.-Ш. Сравнительный анализ представлений о нравственных нормах и поступках у сирийских и российских подростков: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. С. 21.
20. Николаева О.П. Влияние отцовского и материнского типов воздействия на развитие морально-правового сознания // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995. С. 138–153.
21. Николаева О.П. Влияние моральной сферы на процесс решения задач // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995. С. 154–166.
22. Николаева О.П. Влияние отцовского и материнского типов воздействия на развитие морально-правового сознания // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995. С. 138–153.
23. Ранишбург Й. Формирование и развитие морали // Ранишбург Й., Поппер П. Секреты личности / Пер с венг. М., 1983. С. 100–110. С. 100.
24. Николаева О.П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1995. С. 109–137.
25. Якобсон С.Г. Становление психологических механизмов этической регуляции поведения // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л.И. Анцыферова. М., 1981. С. 320–337.
26. Там же. С. 321.
27. Залесский Г.Е. Психология мировоззрения и убеждений личности. М., 1994. С. 70.
28. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 420.

-
29. *Леонтович К.Ф.* Стадии морального развития личности, стиль поведения и художественный вкус // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой. М., 1979. С. 204–218.
 30. *Скрипник Л.П.* Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992. С. 11.
 31. *Курган Г.И.* Процесс усвоения нравственных принципов и обеспечение моральности поведения // Моральный выбор / Под ред. А. И. Титаренко М., 1980. С. 155–172.
 32. *Лапина Т.С.* Проблемы индивидуальной нравственности // Мораль и этическая теория / Под. ред. О.П. Целиковой. М., 1974. С. 106–143.
 33. *Solomon R.S., Hanson K.R.* Ethical Styles // Ethical insight, ethical action: Perspectives for the local government manadger / Ed. by E.K. Keller. Washington, 1988. P. 59–64.
 34. *Гуревич К.М.* Проблемы современной психологической диагностики // Психологическая диагностика: Проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М., 1981. С. 5–23.
 35. *Хвостов А.А.* Диагностика индивидуальной морали: проблемы и перспективы // Развитие личности. 1998. № 3–4. С. 62–82.
 36. *Сосновский Б.А.* Лабораторный практикум по общей психологии. М., 1979.
 37. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М., 1983. С. 40.
 38. *Гуревич К.М.* Проблемы современной психологической диагностики // Психологическая диагностика: Проблемы и исследования / Под ред. К.М. Гуревича. М., 1981. С. 5–23. С. 20.
 39. Шпеман Р. Основные понятия морали: Пер. с нем. М., 1993.
 40. *Джиббс Д., Бэсинджер К., Фуллер Д.* Моральная зрелость: диагностика развития социоморальной рефлексии // Развитие личности. 1998. № 2. С. 109–126.
 41. *Gibbs J.C., Basinger K.S., Fuller D.* Moral Maturity: Measuring the development of sociomoral reflection. Hillsdale (New-York) etc., 1992.